

И. Лакатос и философия науки в СССР¹

Опубликовано в журнале: Эпистемология и философия науки, 2009, № 1, с. 172 – 187.

В.А. Бажанов,

Заслуженный деятель науки РФ,
Доктор философских наук, профессор

В статье анализируются связи Имре Лакатоса (1922 – 1974) с советскими философами в венгерский и английский периоды его творчества. Показано, что в венгерский период Лакатос естественным образом основывался на марксистском мировоззрении, воспринял диалектический метод в духе, близком к его пониманию Д. Лукачем, а в английский период, когда Лакатос тщательно маскировал диалектические основания своего творчества и перешел на позиции антикоммунизма, он, тем не менее, как становится очевидным в результате знакомства автора статьи с архивом Лакатоса в Лондонской школе экономики, поддерживал отношения со своими советскими коллегами (прежде всего Г.П. Щедровицким и Л.А. Марковой), которые живо интересовались его концепцией развития науки, а также состоянием исследований по философии науки на Западе.

The paper deals with connections of Imre Lakatos (1922 – 1974) with his Soviet colleagues during Hungarian and British periods of his life. While being in Hungary Lakatos naturally based upon the Marxist doctrine, and adopted dialectics in the spirit close to G. Lukacs; being in Britain Lakatos carefully disguised dialectical foundations of his approach and became an anticommunist. Nevertheless, as it is clear from Lakatos's archive at London School of Economics and Political Sciences he kept connections of his Soviet counterparts (mainly G.P. Schedrovitsky and L. A. Markova) who vividly showed interest in Lakatos's reconstruction of science growth, and the current state of Western philosophy of science.

Один из самых крупных и известных философов науки XX века Имре Лакатос (1922 – 1974) имел достаточно тесные связи с СССР в свой венгерский период жизни. Определенные связи с советскими коллегами у него сохранялись и в период его английской жизни, когда, казалось бы, и его интересы, и его антикоммунистические взгляды, и вся социально-политическая атмосфера холодной войны этим связям не способствовали. Каков был характер этих связей? Не препятствовало ли им то обстоятельство, что Лакатос являлся политическим эмигрантом? Что лежало в их основе: общий фундамент образования, сцементированный коммунистической идеологией, господствующей в СССР и других социалистических странах, включая Венгрию?

Творчество И. Лакатоса необходимо осмысливать, учитывая, что в силу ряда причин оно пропитано диалектическими (и марксистскими, несмотря на антикоммунизм ученого) мотивами, хотя, разумеется, особым образом осмысленными и в конечном счёте переплавленными в методологию научно-исследовательских программ, причем эта переплавка произошла не единомоментно, а шла по мере его интеллектуальной эволюции. На И. Лакатоса оказали влияние Гегель, В.И. Ленин, Д. Лукач, видимо, в определенной степени С.А. Яновская, не говоря уж о А. Сабо (занимавшимся историей математики и философией античного периода), Л. Кальмаре (близком к философии математики эмпирического толка), Ш. Карасони (учителя в университете и оппонента по диссертации, защищенной в Венгрии), К. Поппере и Д. Пойа².

¹ Работа поддерживалась грантом РГНФ (№07-03-00054а) и Lakatos Research Fellowship.

² Подробнее см.: Бажанов В.А. Диалектические основания творчества И. Лакатоса // Вопросы философии, 2008, № 9, с. 147 – 157.

Венгерский период творчества И. Лакатоса и его связи с СССР

В Венгрии почти до начала 1950-х годов Лакатос был последовательным, убежденным и даже фанатичным партийным функционером, настолько убежденным, что его коммунистические идеалы не поколебал арест (кстати, по некоторым сведениям состоявшийся во время возвращения домой в отпуск после пребывания в Москве) и трехлетнее пребывание в венгерском лагере.

Будучи чиновником министерства культуры в конце 1940-х годов, он немало сделал для обвинения преподавателей колледжа Этвеша, где сам какое-то время учился, в пропаганде чуждых социализму взглядов и для закрытия колледжа. В конце концов, однако, наступило прозрение; Лакатос участвует в восстании 1956 года, уезжает в Австрию, а затем эмигрирует в Англию, где его политические убеждения резко меняются³. В Венгрии Лакатос опубликовал ряд философских статей, защитил диссертацию по философии, около года после этого ещё учился в Москве и слушал лекции С.А. Яновской по математической логике и даже вроде бы хотел поступить к ней в аспирантуру⁴.

В июле 1947 года в Дебрецене Лакатос защитил диссертацию на тему "Социально-исторические аспекты формирования понятий в естественных науках". Карасони был одним из оппонентов. Текст диссертации считается утерянным. Однако о ее содержании можно судить по публикациям, относящимся к данному периоду, в которых Лакатос достаточно полно изложил предположительно ключевые идеи диссертации.

Знакомство с этими текстами показывает, что Лакатос уже тогда пытался осмыслить феномен науки, ее место в обществе и развитие, и делал это вполне в марксистском духе в статье "Современная физика и современное общество"⁵. И здесь нет ничего удивительного: в послевоенной Венгрии иная идеология и не имела права существовать. Кроме того, в Венгрии работал такой яркий и идущий философ-марксист как Д. Лукач, который был кумиром молодежи и молодое поколение венгров-гуманитариев у него старательно училось. Лакатос посещал лекции Д. Лукача и, таким образом, не был исключением. Многие современные исследователи творчества Лакатоса в марксистской составляющей его творчества специально отмечают интеллектуальное влияние Д. Лукача, который являлся и его формальным научным руководителем⁶.

Касаясь философско-методологических проблем физики и ее места в общественном развитии в указанной выше статье, Лакатос в ленинском духе критикует "физический идеализм", утверждая, что изучение атома привело к краху союза метафизического материализма и формальной логики, подтвердило ленинскую мысль об отражении в нашем сознании всё более и более глубоких пластов объективной реальности, диалектическое учение о познании и необходимости принятия исторического метода как имманентного развитию науки вообще и физики в частности.

Лакатос затрагивает марксову идею товарного фетишизма, которая, по его мнению, способна пролить свет на причину истолкования буржуазными учёными принципа

³ Ж. Вайда пишет о том, что жизнь Лакатоса распалась на две непохожих части – венгерскую и английскую – которые можно охарактеризовать как "демоническую и ангельскую". Zs. Vajda. Research report "Hungarian connection". Search on Imre Lakatos's notes and correspondence in Hungarian (London – Szeged, 2006).

⁴ Бывшая аспирантка Д.П. Горского, а ныне профессор МГУ Г.В. Сорина слышала от своего научного руководителя рассказ о том, что они вместе с Лакатосом посещали лекции С.А. Яновской и, позже, встретившись на одном из конгрессов за границей, Горский спросил Лакатоса почему тот не упоминает Яновскую, влияние которой на его концепцию достаточно выражено. Лакатос, задумавшись, ответил "Да так, впопыхах не успел" (письмо автору от 6 октября 2007 г.). Мне кажется, что это влияние имело место в части признания роли критики в прогрессе науки и определении и механизмов способов образования и эволюции понятий.

⁵ Kutrovatz G. Imre Lakatos. Modern Physics, Modern Society. <http://hps.elte.hu/~kutrovatz/lakatos0.html> .

⁶ См., например, Kadvany J. Imre Lakatos and the Guises of Reason. Durham-L., 2001. p. 288; . Ropolyi L. Lakatos and Lukacs // Appraising Lakatos. Mathematics, Methodology, and the Man. Dordrecht -- Boston – L., 2002, p. 320. Впрочем, в архиве Лукача имеется лишь одна открытка, которая им была послана Лакатосом.

неопределенности Гейзенберга как свидетельство в пользу индетерминизма. Он подробно останавливается на анализе книги С. Стеббинг "Философия и физики" и особый акцент делает на процедурах формирования понятий. По-видимому, здесь кроется прообраз его будущей методологии научно-исследовательских программ и именно в этом прообразе можно найти следы концептуального влияния на Лакатоса С.А. Яновской.

Рассуждая о роли образования и демократии в обществе, Лакатос отстаивает позицию, согласно которой человеческая природа изменяется как производная от изменений в способе производства. При капитализме труд не формирует человека, а "парадоксальным" способом разрушает его родовую сущность. Капиталистическая реальность всё более и более поработает человека, лишая его свободы и тем самым является дегуманизирующим строем. Социализм, утверждал Лакатос, ликвидирует эту причину и открывает путь человека к раскрепощению своей родовой сущности и подлинному гуманизму.

Лакатос останавливается на анализе диалектического метода, подчеркивая, что гегелевская диалектика описывает метаморфозы Абсолютного духа, а К. Маркс переосмыслил её на материалистической основе как эффективный метод анализа развития общественных и, прежде всего, экономических отношений. Диалектический метод предполагает рассмотрение исторических аспектов каждой конкретной проблемы, а наличие противоречия свидетельствует вовсе не об ошибке субъекта познания, а о саморазвитии человеческого духа и общества.

По всей видимости, Лакатос никогда не читал непосредственно Гегеля⁷, а воспринял диалектические идеи посредством знакомства с трудами Маркса, Ленина и Лукача. Гегель и особенно Ленин в западной философии науки считаются предтечами фаллибилизма, который отличал и творчество Лакатоса. Эти идеи составили фундамент творчества его английского периода. Фундамент в возведенном Лакатосом величественном здании методологии научно-исследовательских программ не заметен, и даже тщательно замаскирован (такого рода маскировки характерны для стиля рассуждений Лакатоса как учёного и политического эмигранта, вынужденного работать в среде, где марксистско-ленинские идеи считались чуждыми). Можно утверждать даже своеобразное воспроизводство Лакатосом духа рассуждений Лукача в контексте англо-американской традиции, в которой всегда была довольно скудно представлена тематика, относящаяся к историческим аспектам развития науки⁸.

В его творчестве в Англии в концентрированном и преображенном (если использовать гегелевское выражение – то в снятом) виде представлен едва ли не весь его жизненный и теоретический опыт, приобретенный в Венгрии. Так, даже базисные понятия терминологии научно-исследовательских программ Лакатоса могут быть навеяны практикой коммунистического сопротивления фашизму, в котором он принимал деятельное участие. "Жесткое ядро", "защитный пояс" – это всё понятия, принятые в нелегальном коммунистическом движении⁹ и вероятно, что в модифицированном виде они были перенесены по аналогии на новую предметную область.

Если в венгерский период жизни Лакатоса его связи с Советским Союзом были вполне естественны – венгры могли и должны были учиться у "старшего брата", то в английский период эти связи должны были оборваться в силу существования т.н. железного занавеса, подозрительности и даже враждебности советской власти к любым контактам с западным миром, и уж тем более с перебежчиками из социалистического

⁷ Motterlini M. Reconstructing Lakatos. Centre for Philosophy of Natural and Social Science (paper DP 56/01). LSE, 2001. p. 7.

⁸ См.: Kadvaný J. Imre Lakatos and the Guises of Reason.... p. 287.

⁹ Ropolyi L. Lakatos and Lukacs // Appraising Lakatos. Mathematics, Methodology, and the Man. Dordrecht -- Boston – L., 2002, p. 315. Так, В.И. Ленин в работе "Что делать?" (Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 5) пишет о "тесном, сплоченном" ядре (революционеров-профессионалов) и самой партийной организации. Именно эта работа затрагивается в продолжительной дискуссии И. Лакатоса и П. Фейерабенда. Lakatos I., Fejerabend P. For and Against Method/ Ed. M. Motterlini. Chicago and London, 1999. P. 153.

лагеря. И тем не менее, связи Лакатоса с советскими коллегами в той или иной форме, хотя и с почти десятилетним перерывом, сохранились. В английский период жизни Лакатоса это был, конечно, иной формат взаимоотношений, нежели "ученический", когда Лакатос являлся гражданином Венгрии, это были иные люди, иные обстоятельства и иные ситуации. Об этих связях у нас ничего не известно, а между тем они относятся к продолжению того важного периода развития отечественной философской мысли, когда советские философы, по меткому выражению В.Н. Садовского, сами стали вытаскивать себя за волосы из пучины марксистского догматизма и втащили себя – за счет самообразования – в те или иные области современного философского знания.

Мне удалось в какой-то мере реконструировать характер этих связей благодаря знакомству с архивом Лакатоса в Лондонской школе экономики.

Английский период творчества И. Лакатоса и его связи с СССР

В Англии Лакатос начал свою научную карьеру формально с нуля. Он поступил в аспирантуру университета Кембриджа (многие сотрудники и студенты которого в середине XX века отличались своими левыми взглядами) и заново занялся написанием диссертации под руководством Р. Брейтуэйта, на сей раз в области философии математики. Именно данная диссертация явилась основой его книги, которая стала широко известна и принесла ему славу – "Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы".

В СССР эта книга (в сокращенном варианте) была вскоре издана большим тиражом совсем не в качестве философского труда, а как популярная книга по математике, хотя и была переведена на русский язык философом. Да и Лакатос представлялся в ней как специалист по математической логике. В предисловии, правда, указывалось, что автор трудится в "Лондонском экономическом училище" и книга посвящена Г. Поля (Д. Пойа в иной транскрипции – В.Б.) и К. Попперу, "видному представителю неопозитивизма", но её замысел обрисован как продолжение идей Г. Поля (Д. Пойа), изложенных в популярных в СССР книгах по математике ("Как решать задачу". М., 1961; "Математика и правдоподобные рассуждения". М., 1957, кстати, с предисловием С.А. Яновской, и др.). В противном случае книга вряд ли могла увидеть свет. Только под личиной математического издания она имела шанс быть прочитанной советским читателем. Величиной тиража, который был довольно обычным для СССР, вспоминают его коллеги, Лакатос очень гордился¹⁰.

Ответственным редактором книги являлся И.Б. Погребысский (1906 – 1972), крупный советский историк математик и математик, сотрудник Института истории естествознания и техники. Он безусловно был знаком с С.А. Яновской и возможно, что именно Яновская проявила инициативу издать книгу Лакатоса как популярную книгу по математике и попросила И.Б. Погребысского выступить в качестве редактора. По роду своих интересов И.Б. Погребысский был все-таки далек от философии, и книга Лакатоса, философская по своему замыслу, вряд ли попала бы в его поле зрения. Тогда сомнений в том, что эта книга исключительно математическая и историко-математическая (там прослеживается эволюция доказательств известной формулы Эйлера, связывающей стороны, вершины и грани многогранников), а вовсе не философский опус, не оставалось бы (собственно философские разделы книги в русское издание не вошли).

После защиты диссертации Лакатос стал работать в Лондонской школе экономики и здесь его научным ментором стал К. Поппер. Однако Поппер явился для Лакатоса не

---

¹⁰ Сообщение А. Беллами (письмо автору от 19 декабря 2006 г.). Обширная переписка Лакатоса свидетельствует, что об этом факте он неоднократно с гордостью упоминал в письмах своим близким друзьям и коллегам, например – М. Вартофскому и В. Юрграу (Lakatos archive, items 13/966 и 13/ 1037). Впрочем, поначалу Лакатос был возмущен публикацией без согласования с ним своей книги в СССР, где в тот период не действовало авторское право, но вскоре под влиянием своих друзей (прежде всего, В. Юрграу) резко поменял своё мнение.

только учителем, некоторые идеи которого послужили предпосылками его собственной оригинальной концепции, но и интеллектуальным противником, который заставлял Лакатоса выдвигать положения, принципиально несовместимые с идеями старшего коллеги, оттачивать и развивать их. Это, прежде всего, идеи, которые относились к диалектике¹¹, а стало быть, к Гегелю и его марксистским последователям, прежде всего Ленину и Лукачу.

Иногда марксистское влияние на Лакатоса сводят исключительно к Лукачу на основании того, что другие марксистские автору Лакатосом цитируются редко или вообще не упоминаются¹². Однако стиль Лакатоса таков, что он вообще был не склонен упоминать кого-либо, включая Лукача.

Тем более он не упоминает советских ученых, хотя он следил за тем, что выходит из книг в рамках его интересов в СССР и имел многие советские книги в своей библиотеке (см. ниже). В своей переписке же с западными коллегами Лакатос упоминает некоторые факты, относящиеся к изданию его книги в Советском Союзе, гордится тем, что она издана Академией наук СССР и громадным тиражом – 70 000 экземпляров.

Собственно выход "Доказательств и опровержений" в 1967 году и означал окончание десятилетнего перерыва в связях Лакатоса и его советских коллег¹³.

Идейное завоевание СССР

Математическая книга, как фактически представляло издательство книгу И. Лакатоса "Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы", сразу же была замечена философами, которые были уже достаточно искушены, чтобы отличить чисто математическое издание от философско-методологического по своей сути. Уже в №4 журнала "Вопросы философии" за 1968 год на эту книгу появилась блестящая рецензия Г.П. Щедровицкого (1929 – 1994), который отмечает не только полезность перевода книги на русский язык, но и те обстоятельства, что "глубина поставленных научных проблем и тонкость их обсуждения (в этой книге – В.Б.) вызывают восхищение; по форме изложения, легкой и остроумной, эта книга – подлинное произведение искусства"¹⁴. В рецензии отмечается, что Лакатос идет принципиально новым путем в анализе развития и структуры науки, ставит новые проблемы, предлагая своего рода "ситуационную логику", которая призвана обеспечить осмысление исторической эволюции научных теорий. Здесь он осуществляет настоящий прорыв по сравнению с той традицией, которая отрицала исторический подход и по существу провозглашала нищету историцизма (имеются в виду прежде всего логический позитивизм и К. Поппер).

Между тем слабость методологии И. Лакатоса Г.П. Щедровицкий видит в том, что он не может "построить какой-то и д е а л ь н ы й о б ь е к т и в логико-методологический исследованиях описывать законы его функционирования и развития", и в книге нет даже намека на попытки "построить такое идеальный объект, ни даже четкого тезиса о необходимости его"¹⁵. Поэтому, заключал рецензент, в чувство восхищения подмешивается чувство неудовлетворенности, которое, однако, свидетельствует о глубокой проблемной ориентированности и концептуальной насыщенности данного труда И. Лакатоса.

Так, И. Лакатос как бы в отместку за своё коммунистическое прошлое и страдания, перенесенные в венгерском ГУЛАГе, стал завоёвывать оплот социализма, СССР – своими

¹¹ Существует, впрочем, точка зрения, согласно которой как К. Поппер, так и Т. Кун, являлись диалектиками, т.к. признавали существование стадий и законов развития знания, методов его совершенствования и логического описания этого процесса. См.: Kvasz L. Lakatos' Methodology Between Logic and Dialectic // Appraising Lakatos. Mathematics, Methodology, and the Man. Dordrecht – Boston – L., 2002, p. 211.

¹² Так поступает, например, Л. Рополи. См.: Ropolyi L. Lakatos and Lukacs...

¹³ В ней упомянута лишь одна работа советского математика – А.Д. Александрова (в английском переводе).

¹⁴ Щедровицкий Г.П. Модели новых фактов для логики // Вопросы философии, 1968, № 4, с. 154.

¹⁵ Там же, с. 158.

идеями, силой анализа и эрудицией. Популярность Лакатоса в СССР и в современной России была и остается ничуть не меньше, а в чем-то и больше, чем на его второй родине – в Великобритании. Во всяком случае, лишь в России ныне знакомство с концепцией научно-исследовательских программ является обязательным для всех соискателей ученой степени.

Вскоре после публикации рецензии, а точнее 18 июня 1968 года, Г.П. Щедровицкий пишет И. Лакатосу письмо на английском языке, где признается в том, что "очарован" его книгой, вышедшей в русском переводе, упоминает факт своей рецензии и говорит, что уже 15 лет также занимается изучением развития понятий, но в центре его изысканий стоит проблема поиска идеального объекта, которого ни он, ни Лакатос пока не нашли¹⁶. Щедровицкий посылает ему ряд статей, в том числе ту, которая вышла на английском языке в американском ежегоднике "Связные системы (Coheral Systems)" в 1966 году и была посвящена методологическим проблемам системного анализа.

19 августа 1968 года И. Лакатос отвечает Г.П. Щедровицкому. Он благодарит Щедровицкого за рецензию, которую прочитал с "интересом"¹⁷ и утверждает, что "определенно мы преследуем схожие цели и оба интересуемся ростом знания, а не анализом застывших его форм... В этом смысле Попперовская философия и диалектика имеют много общего". Лакатос приложил к письму два отиска своих статей и английское издание "Доказательств и опровержений".

11 октября 1969 года Щедровицкий посылает Лакатосу достаточно короткое письмо (уже на русском языке, как и последующие письма), к которому прикладывает сборник тезисов конференции в Новосибирске, посвященной анализу структуры науки, состоявшейся в 1967 году¹⁸, а также сборник статей по семиотике, из которого можно составить впечатление о советских работах 1962 – 64 гг. и в котором он особо просит обратить внимание на статью В. Розина¹⁹. Щедровицкий замечает, что "пока все это лишь анализ языка науки, но, чтобы дойти до понятий, нужно, наверное, сначала "снять" этот знаковый слой", а о попытке двинуться дальше можно судить по статье, обсуждающей концепцию Сепира-Уорфа. Кроме того, Лакатосу была послана книга М.К. Мамардашвили²⁰ как пример конструкции в духе "содержательной логики".

30 июля 1969 года кратко благодарит за эту книгу, которую он "прочитал с большим интересом" и посылает отпечаток своей статьи "Критицизм и методология научно-исследовательских программ"²¹.

26 февраля 1970 года Г.П. Щедровицкий благодарит за этот отпечаток и отмечает, что "Доказательства и опровержения", как и другие работы, которые любезно присланы Лакатосом, с интересом читаются советскими логиками и историками науки, вызывая острые дискуссии. Щедровицкий пишет, что через полтора-два месяца планируется его доклад в Институте истории естествознания и техники (ИИЕТ) АН СССР о работах Лакатоса и о том "философском окружении, в котором они появились". Этот доклад станет основой одного из разделов планируемой институтом книги²².

---

¹⁶ Lakatos Archive at LSE, file 13/819.

¹⁷ По воспоминаниям Л.А. Марковой И. Лакатос свободно читал по-русски, но не говорил (частное сообщение от 9 марта 2008 г.). Впрочем, Д. Жиллес (D. Gillies) обещал Лакатосу найти в Кембридже хорошего переводчика, который мог бы перевести этот текст на английский (Lakatos archive, file 13/320).

¹⁸ Проблемы исследования структуры науки. Новосибирск, 1967.

¹⁹ Речь идет о статье: Розин В.М. Семиотический анализ знаковых средств математики // Семиотика и Восточные языки. М., 1967.

²⁰ Речь идет о книге "Формы и содержание мышления". М., 1968.

²¹ Lakatos I. Criticism and the Methodology of Scientific Research Programmes // Proceedings of the Aristotelian Society, 1968-1969, vol. 69, pp. 149 – 186.

²² Имеется в виду книга: "Концепции науки в буржуазной философии и социологии. Вторая половина XIX – XX в.". М., 1973.

Между тем, замечает Щедровицкий, многих важных работ, на которые часто ссылается Лакатос, нет в СССР. Он просит их прислать, приводя список из шести сборников, увидевших свет в 1968 – 1969 гг.

В свою очередь Щедровицкий предлагает выслать любые интересующие Лакатоса книги на русском языке. Кроме того, он спрашивает Лакатоса насколько с его взглядами совпадают взгляды К. Хаусона, А. Масгрейва, Е. Тонеман, Дж. Уоткинса и Дж. Уоррала и можно ли считать Лакатоса и перечисленных исследователей принадлежащими "к одному направлению в методологии науки или даже к единому кружку, наподобие "Венского кружка" или "Львовско-Варшавской школы", а также кто еще тяготеет к этому кружку (если тот существует) и кто, напротив, находится в активной оппозиции к нему. "Считаете ли Вы сами свои идеи и работы продолжением и развитием идет проф. Поппера, или же они сложились лишь в связи с последними и в известной мере оппозиции к ним", - задает вопрос Щедровицкий.

7 апреля 1970 года Лакатос благодарит за честь, связанную с докладом в ИИЕТ АН СССР и проясняет ситуацию с книгами. Оказывается, что из шести упомянутых Щедровицким книг пока вышли только две – о проблемах индуктивной логики и о проблемах в области философии науки²³, которые посылаются отдельной бандеролью, остальные же книги цитируются по рукописям, проясняет ситуацию Лакатос.

Что касается ответов на вопросы, то Лакатос склонен считать их группу как развивающую традиции Попперовской философии или же группы из Лондонской школы экономики или просто Лондонского кружка. Несмотря на критику Поппера эта критика может быть истолкована как диалектическое развитие (*dialectical aufheben*) его философии.

В серии "Библиотека современных философов", которая редактируется П. Шилпом из США²⁴, продолжает Лакатос, вскоре будет издана объемистая книга о К. Поппере, которая прольет ясный свет на характер отношения попперовской философии и его последователей, причем сам Поппер будет комментировать материалы о нём самом²⁵.

Что касается Лондонского кружка, то его центр по-прежнему находится в Лондонской школе экономики и в настоящее время в него включаются сэр Карл Поппер (1902 – 1994), почетный профессор, Джон Уоткинс (1924 – 1999), профессор философии и я, профессор логики, а также доктор Алан Масгрейв (1928 -), преподаватель логики и научного метода Колин Хаусон (1940 -) и Элие Захар (1941 -), преподаватель философии науки. Кроме того, есть стажер-исследователь Джон Уоррал (1946 -), который работает под моим научным руководством.

Можно также говорить о Попперовском кружке, куда входит Ханс Альберт (1935 -) профессор социологии, попперианец. В США несколько студентов Поппера ныне занимают влиятельные позиции: Джозеф Агасси (1927 -), профессор философии в Бостонском университете, Йан Джарви (1937 -), профессор философии в Йоркском университете Торонто, Уильям Бартли (1934 – 1990), профессор философии Питтсбургского университета. Наиболее же известный попперианец в США это Пауль (Пол) Фейерабенд (1924 – 1994), который, однако, в последнее время качнулся в сторону иррационализма, но который, я надеюсь, замечал Лакатос, вскоре вернется в лоно рационализма. Из всех перечисленных лиц лишь с Бартли у Поппера неважные отношения, если выражаться мягко²⁶.

²³ The Problem of Inductive Logic /Ed. Lakatos I. Amsterdam, 1967; Problem in the Philosophy of Science / Eds. Lakatos I., Musgrave A. Amsterdam, 1968.

²⁴ Library of Living Philosophers / Ed. P. Schilpp.

²⁵ The Philosophy of Karl Popper / Ed. P.A. Schilpp. La Salle (IL), 1974.

²⁶ У самого Лакатоса, судя по всему, было настороженное отношение к известному впоследствии историку математики И. Граттан-Гиннесу, который, как считал Лакатос, часто забывал делать ссылки на его труды. И. Граттан-Гиннес пытался убедить Лакатоса, что он просто с ними не был знаком (Lakatos Archive at LSE, file 13/339).

Понятно, что это всё очень разные люди со своими особенностями и пристрастиями, которые не составляют какой-то формальной организации. Очень трудно назвать то идейное ядро, которое их объединяет, кроме того, что все они анти-субъективисты (anti-subjectivists), материалисты и антипозитивисты, заключает Лакатос.

В коротком письме от 31 июля 1970 года Щедровицкий извещает Лакатоса, что книги им получены, а разъяснения позволили "лучше представить обстановку "попперовского кружка". Щедровицкий также пишет, что полмесяца тому назад Лакатосу выслано официальное приглашение на Конгресс по истории науки, который состоится через год в Москве и что он "уже сейчас радуется возможности встречи с Вами лично".

Кроме того, Щедровицкий послал Лакатосу книгу по истории русского средневекового искусства, но извиняется "за неприличную обертку бандероли"²⁷.

12 мая 1971 года Щедровицкий посылает Лакатосу номер журнала "Вопросы философии" со статьей В.С. Швырева, в которой обсуждаются идеи английского ученого и которая "может рассматриваться как рецензия", а также книгу А.А. Зиновьева – "самое интересное из всей советской логической литературы, ориентированной на конструирование логических схем"²⁸. Но эту книгу, замечает Щедровицкий, нельзя рассматривать как "чисто формальную, ибо в основании её лежит очень сложная содержательно ориентированная работа, которой Зиновьев занимался преимущественно весьма первый период своей жизни (1950 – 1959), но продолжает заниматься и сейчас". Щедровицкий выражает сожаление, что Лакатос решил не приезжать в Москву на Конгресс по истории науки²⁹.

24 июня 1971 года Лакатос благодарит за номер журнала "Вопросы философии" с очень интересной статьей В.С. Швырева³⁰, а также за книги по искусству. Лакатос объясняет, что не может приехать в Москву, так как ранее у него была договоренность в период проведения Конгресса посетить США. Однако он выражает надежду, что в обозримое будущее он сможет побывать в Москве и встретиться с коллегами, которые занимаются историей и философией науки. Лакатос передает привет В.С. Швыреву и интересуется его адресом, чтобы послать некоторые отгиски своих работ. В свою очередь он посылает две книги Щедровицкому (по истории скептицизма Попкина³¹ и исследования по Ньютону А. Койре³²).

На этом регулярная переписка Лакатоса и Щедровицкого по каким-то причинам прервалась. Однако эстафета была подхвачена Л.А. Марковой, которая в письме от 26 июля 1973 года³³ обратилась к Лакатосу с просьбой разъяснить некоторые неясности, которые относятся к дискуссии Т. Куна и английских философов, причем 3 августа ею посылается еще одно письмо, которое несколько расширяет круг вопросов в связи со знакомством Л.А. Марковой со статьей Лакатоса "Критицизм и методология научно-исследовательских программ". Л.А. Маркова настоятельно советует Лакатосу прочитать труд Л.С. Выготского "Мышление и речь" (М., 1934).

Лакатос отвечает Марковой подробным письмом от 21 сентября 1973 года³⁴. Он начинает с того, что Маркова явно недооценивает степень неприятия Поппером

²⁷ Напомню, что в советское время для бандеролей использовалась грубая волокнистая бумага.

²⁸ Речь идет о книге А.А. Зиновьева "Логика науки". М., 1971.

²⁹ Л.А. Маркова подчеркивает, что Лакатос очень хотел побывать в СССР, но из-за того, что у того не было английского гражданства (Лакатосу трижды в нём отказывали – В.Б.) он не мог подать документы на советскую визу. За отказ английских властей ему, столько сделавшему для Британии, предоставить гражданство, он часто нападал на Уоткинса (частный разговор с Л.А. Марковой 9 марта 2008 года).

³⁰ Статью В.С. Швырева "Анализ научного знания в современной "философии науки" (Вопросы философии, 1971, №2, с. 100 – 111) Лакатос переслал своему близкому другу М. Вартофскому с советом познакомиться с ней, и Вартофский усиленно искал переводчика с русского (Lakatos archive, file 13/966).

³¹ Popkin R. History of Scepticism from Savonarola to bayne. Oxford, 1969).

³² Koyre A. Newtonian Studies. Chapman, 1965.

³³ Письма Л.А. Марковой написаны по английски.

³⁴ Lakatos Archive at LSE, file 13/591.

позитивизма. Поскольку Поппер в свои молодые годы участвовал в переводе "Материализма и эмпириокритицизма" В.И. Ленина, то Ленинские идеи глубоко воздействовали (*deeply influenced*) на Поппера с точки зрения противостояния материализма и позитивизма. Поппер никогда не колебался в своём материализме. Хотя в политике Поппер дрейфовал от коммунистических взглядов к социал-демократическим, а затем либеральным, то в науке он всегда оставался сторонником концепции "непрерывной революции". Кун же, напротив, считал, что революции в науке происходят редко, а основная история науки – это история *нормальной* науки. По мнению Лакатоса Маркова не вполне поняла смысл книги Поппера "Логика научного исследования", поскольку связала его "логику" с кумулятивным процессом, тогда как у Поппера речь идёт о научном исследовании, которое составляет историю науки как историю перманентных революций. Кун же – консерватор. Его озабоченность в последнее время проблемой перевода (*translation*) – это псевдопроблема, т.к. после того, как он поменял свои точку зрения на статус парадигм, то осталась лишь проблема перевода (речь идет, видимо, о несоизмеримости парадигм согласно раннему Куну – В.Б.), которая смещает центр его внимания, по мнению Лакатоса, на чистую лингвистику.

Далее Лакатос упоминает, что его коллеги-психологи также рекомендовали познакомиться с работами Выготского и затем он переходит к проблемам рациональной реконструкции истории науки.

Это очень сложные проблемы и Вы абсолютно правы, что "процесс возникновения нового в науке вне поля моего зрения" – пишет Лакатос. Это вовсе не потому, что мне не интересен это процесс, а потому, что, по моему мнению, можно говорить о научной революции ретроспективно, но никто не может предугадать каким образом природа ответит на наши запросы: подтвердит или опровергнет наши догадки, будет новая программа прогрессивной или регрессивной, а если прогрессивной, то какой срок жизни ей предначертан. В этом смысле, продолжает Лакатос, я не могу представить как кто-то мог оценить ранние работы Бора или Эйнштейна как эмпирически многообещающие или нет. Человек предполагает, а природа располагает. Данное убеждение не делает меня политическим консерватором, хотя надо заметить, что социальная революция, по-видимому, может разворачиваться во многих направлениях, которые нельзя предвидеть пока не будут сделаны конкретные практические шаги. Совершенно аналогично справедливо и по отношению к прогнозированию истории. Не думаю, что Маркс придерживался иной точки зрения. Буду Вам признателен, обращается Лакатос к Марковой, если Вы укажете мне на те места у Маркса, где он обсуждает такого рода проблемы.

В настоящее время, пишет Лакатос, я работаю над статьей о коперниканской революции, и я пошлю её Вам, когда она будет завершена³⁵. Работаю также над статьей, критикующей взгляды Тулмина и Куна³⁶. В ходе этой работы я пришел к убеждению, что любое отклонение от корреспондентской теории истины, что допускается многими философами-материалистами, включая Ленина, ведет к фашизму в случае применения к социальной практике. Это фактически мой первый опыт критики философий науки Тулмина и Куна. До сих пор я этому не уделял внимания. Когда эта статья будет готова (вероятно, уже после Рождества) я также пошлю её Вам.

Лакатос просит Маркову передать привет советским философам, которых встретил на конференции в Ювяскюле (Финляндия) и поблагодарите их за посылки мне их работ, с которыми я обязательно познакомлюсь. Особый привет передайте профессору Микулинскому. Джон Уоткинс также просит передать всем приветы.

---

³⁵ Эту статью уже после кончины Лакатоса в начале 1974 года завершил Э. Захар. См.: Lakatos I., Zahar E.G. Why did Copernicus' programme supersede Ptolemy's // The Copernicus' revolution / Ed. R. Weisman. Los Angeles, 1976.

³⁶ Ср.: Lakatos I. Understanding Toulmin // Minerva, 1976, vol. 14, p. 126 – 134. Материал о Куне, вероятно, так и не был завершен.

Уже после завершения письма Лакатос советует Марковой познакомиться со статьей Э. Захара, его молодого ливанского коллеги, уже преподающего в Лондонской школе экономики, напечатанной в *British Journal for the Philosophy of Science* и посвященной весьма оригинальной трактовке возникновения теории относительности Эйнштейна³⁷.

Лакатос в своей переписке с любым корреспондентом весьма любезен. Однако внешний политес иногда резко контрастировал с внутренними чувствами ученого. Так, сохраняя внешне хорошие отношения с Л. Грэхемом (1933 -), судя по всему, Лакатос его не особо жаловал. С одной стороны, письма Лакатоса к Грэхему весьма вежливы и предупредительны³⁸, а с другой – в переписке, например, с Марксом Вартофски (1925 – 1997), с которым он был безусловно в самых дружественных отношениях, Лакатос о работах Грэхема отзывается довольно пренебрежительно и упрекает последнего в том, что тот жертвует объективностью в угоду советским властям, дабы те позволили ему еще раз посетить СССР и поработать в тамошних архивах. Так, он категорически возражает против того, что Грэхем считает дискуссии по физике в СССР результатом исключительно действия внутринаучных факторов. За ней стоял, убежден Лакатос, Сталин, который инициировал дискуссии и их же прекратил, когда осознал, что разгром физики может стоить СССР водородной бомбы. Почему, возмущается Лакатос, Грэхем не пишет, что Опарин стал марксистом после визита к нему секретной полиции, угрожавшей закрыть его институт? Почему Грэхем не пишет, что именно "партия" предпочла Фока Блохинцеву, потерявшему пост директора, а что фактически означало проигрыш в дискуссии по основаниям квантовой механики? Лорен (Грэхем – В.Б.), заключает Лакатос поступает "глупо" (stupid) когда описывает эту дискуссию минуя анализ роли ЦК и секретной полиции (так, видимо, Лакатос называет КГБ).

Более того, почти одновременно с обменами любезностями с Грэхемом Лакатос пишет письмо директору издательства Allen and Unwin, в котором обращает его внимание на серьезные недостатки книги Грэхема о науке и философии в СССР³⁹, обусловленные тем, что Грэхем не хочет портить отношения с советскими властями. Он обвиняет Грэхема в необъективном отборе материала, безграмотности (причем повторяет этот эпитет неоднократно), в философском невежестве и поверхностности изложения. Он прямо говорит, что выступает против британского издания этой книги в данном издательстве, хотя не уверен, что в случае отказа не будет найдено другое издательство, тем более, что в США книга уже опубликована⁴⁰.

Близкая по духу ситуация проигрывалась и в связи с конференцией в Ювяскюле.

Конференция готовилась не один год. Это должна была быть встреча наиболее известных философов науки Востока и Запада. Лакатос настаивал, чтобы между советскими и американскими участниками сохранялся строгий паритет и чтобы СССР не превратил эту конференцию в пропагандисткое мероприятие, т.к. по его словам (в письме к Н. Решеру⁴¹) "некоторых советских участников приглашают не по заслугам, а по политическим соображениям"⁴², да и место проведения конференции (Финляндия) выбрано в угоду советской стороне. Поначалу Лакатос приводил такой список советских участников (где все, кроме одного, являлись достаточно известными философами; привожу его в порядке упоминания имён самим Лакатосом) – А. Уемов, Е. Никитин, Б.

³⁷ Why did Copernicus' programme supersede Lorentz's? // *British Journal for the Philosophy of Science*, 1973, vol. 24, p. 95 – 123, 223- 262.

³⁸ Lakatos Archive at LSE, file 13/337.

³⁹ Имеется в виду книга Л. Грэхема "Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе" (вышедшая в русском переводе в 1991 году).

⁴⁰ Lakatos Archive at LSE, file 13/337 - 2.

⁴¹ Lakatos Archive at LSE, file 13/769.

⁴² Лакатос старался помочь сыну известного югославского диссидента М. Джиласа устроиться в аспирантуру в Великобритании, но М. Джилас отклонил предложение Лакатоса (Lakatos Archive at LSE, file 13/216).

Кузнецов, А. Зиновьев, Б. Кедров, А. Гайсинович (? – В.Б.), Б. Грязнов, И. Акчурин, М. Попович, В. Лекторский, Н. Костюк, В. Смирнов. Поехали же с советской стороны на конференцию, которая проходила с 28 июня по 6 июля 1973 года В.Садовский, Д. Горский, И. Акчурин, Б. Кедров, Б. Грязнов, Л. Вальт, А. Старченко, В. Лекторский, В. Смирнов, Г. Курсанов, Л. Маркова (здесь уже все известные имена). А. Зиновьеву выезд из страны советскими властями был запрещен, но его доклад был зачитан.

Ровно 12 человек, как и СССР, представляли и США. Требование паритета, на котором настаивал Лакатос, было соблюдено. На конференции присутствовали, кроме самого Лакатоса, видные западные философы науки – Т. Кун, Л. Лаудан, М. Хэссе, Дж. Уоткинс, Э. Мак-Маллин, Я. Хинтиikka, Р. Козн, М. Вартофски, Ю. Миттельштрасс, И. Элкана и др., всего участников насчитывалось 35 человек⁴³.

На конференции состоялся активный диалог советских и западных ученых, причем в обзоре конференции о всех участниках и их докладах говорится уважительно. Между тем в письме к Фейерабенду, посланному сразу же после окончания конференции (13 июля 1973 года), Лакатос пишет, что "это была наихудшая конференция", в которой ему довелось участвовать. Его "умиляла" русская делегация, и он подробнее собирался рассказать о ней Фейерабенду при встрече⁴⁴. Такое впечатление вовсе не воспрепятствовало Лакатосу 25 сентября 1973 года поблагодарить Ф. Коплстона (1907 – 1994), побывавшему на Всемирном философском конгрессе в Варне за то, что он согласился передать ему несколько книг, переданных "нашими русскими друзьями (выделено мною – В.Б.)"⁴⁵.

В личной библиотеке Лакатоса, ныне хранящейся в Лондонской школе экономики, есть несколько десятков книг советских авторов и журналов (на русском языке и переведенных на английский или немецкий языки)⁴⁶.

Скоропостижная кончина И. Лакатоса 2 февраля 1974 года от инфаркта явилась причиной того, что многим планам и замыслам учёного не суждено было осуществиться. Прервались и его связи с советскими учёными, которые, однако, продолжали и продолжают ценить И. Лакатоса как глубокого и оригинального мыслителя, внесшего крупный вклад в развитие истории и философии науки XX века. Ни в советское время, ни уж тем более, постсоветское то обстоятельство, что И. Лакатос являлся политическим эмигрантом на его общение с отечественными учёными не влияло, хотя он с опаской относился к советским властям и функционерам от философии. Он умело маскировал свои марксистские предпосылки творчества, но не мог не интересоваться как и в каком направлении развиваются исследования по философии и методологии науки в государстве, где марксизм-ленинизм продолжал оставаться официальной идеологией. Лакатос был в целом доброжелателен к советским философам и щедро делился отпечатками своих работ и иными изданиями не только с философами, но и со всеми, кто проявлял интерес к его философско-методологическим трудам⁴⁷.

---

⁴³ См.: И.А. Акчурин, В.А. Лекторский, Л.А. Маркова, В.А. Смирнов. Первая международная конференция по истории и философии науки // Вопросы философии, 1974, № 1.

⁴⁴ Lakatos I., Feysrabend P. For and Against Method /Ed. M. Motterlini. Chicago – L., 1999. p. 334.

⁴⁵ Lakatos Archive at LSE, file 13/174.

⁴⁶ Надо заметить, что в библиотеке и архиве Лакатоса в Лондонской школе экономики есть три различных каталога личной библиотеки ученого. Их содержание отличается друг от друга; ряд книг из библиотеки Лакатоса, имеющих в свободном доступе, был утерян, хотя в каталогах они по-прежнему числятся. У автора имеется список советских изданий и/или советских авторов, которые хранились в библиотеке Лакатоса.

⁴⁷ Например, Лакатос обменивался отпечатками с советским лингвистом С.Г. Щуром (S.G. Scur).

